ПАУЛО КОЭЛЬО

ЛУЧНИК

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЕВЫ ЭЛЛЕР

Лучник
Пауло Коэльо

Аннотация
Пауло Коэльо. Лучник
Пролог
Союзники
Лук
Стрела
Мишень
Стойка
Как держать стрелу
Как держать лук
Как натягивать тетиву
Как смотреть на мишень
Миг выстрела
Повторение
Как следить за полетом стрелы
Лучник без лука, без стрелы, без мишени
Эпилог
Автор выражает свою признательность
Об авторе

Аннотация

Собственная жизнь по-прежнему служит Пауло Коэльо основным источником вдохновения. Он заигрывал со смертью, избежал безумия, баловался наркотиками, перенес пытки, увлекался магией и алхимией, изучал философию и религию, был и остается неуемным книгочеем, терял и вновь обретал веру, испытал боль и наслаждение, даруемые любовью. Отыскивая свое место в мире, он нашел ответы на вызовы, которые жизнь бросает каждому из нас. Он верит, что мы в самих себе обретаем силы для того, чтобы определить собственную судьбу.

Путь стрелка – это путь радости и воодушевления, совершенствования и заблуждений, техники и наития. Но всему этому ты научишься, только если будешь неустанно посылать стрелы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Пауло Коэльо
Лучник

© 2003 by Paulo Coelho
© Богдановский А., перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

О Мария, без первородного греха зачатая!
Моли Бога о нас, к Тебе прибегающих.
Аминь.

Посвящается Леонардо Ойтисике, который однажды утром, увидев меня на тренировке по дзюдо в Сен-Мартене, подсказал мне замысел этой книги.

Молитва без цели подобна стреле без лука;
Цель без молитвы подобна луку без стрелы.
Элла Уиллер Уилкокс

Пролог

— Тецуя.

Мальчик удивленно взглянул на чужестранца.

— Никто в этом городе не видел Тецую с луком в руках, — ответил он. — Все мы знаем, что он работает в плотничьей мастерской.

— Может быть, он смалодушничал, может быть, отступился, мне это неинтересно, — настойчиво сказал чужестранец. — Но тот, кто не подтверждает свое мастерство, уже не вправе считаться лучшим стрелком страны. Ради этого я и шел столько дней — ради того, чтобы бросить ему вызов и покончить со славой, которой он больше не заслуживает.

Мальчик понял, что спорить бесполезно и лучше уж проводить его до мастерской: пусть своими глазами убедится, что ошибся.

Тецуя работал в мастерской, стоявшей за домом. Он повернулся к пришедшим с улыбкой, но она сейчас же застыла у него на губах. Глаза его были устремлены на длинную продолговатую суму, висевшую на плече у гостя.

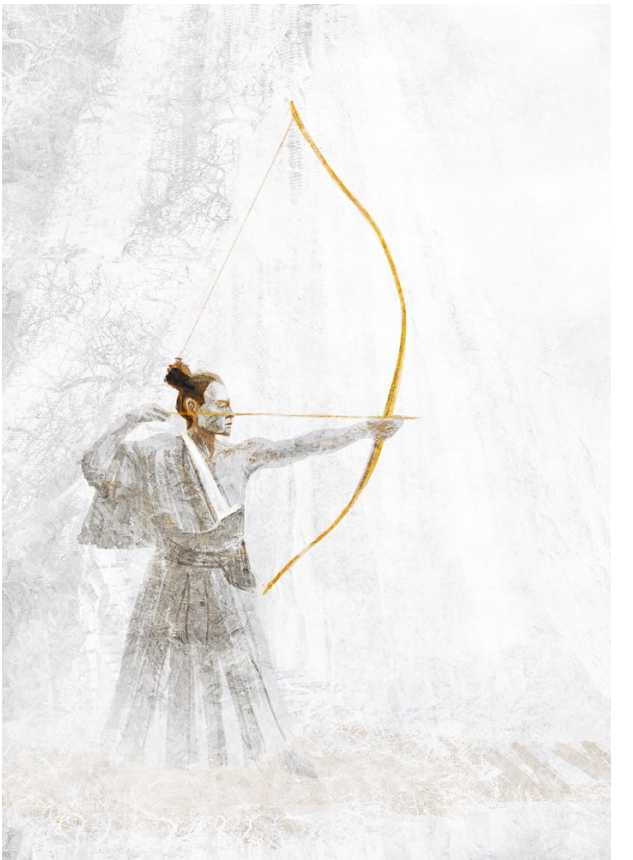
— Да, ты не ошибся, — сказал чужестранец. —

Это именно то, о чем ты подумал. Но я не собираюсь унижать или дразнить человека, при жизни ставшего легендой. Я всего лишь хочу доказать, что после многолетних упражнений сумел достичь совершенства.

Тецуя дал понять, что намерен вернуться к работе — он приделывал ножки к столу.

— Человек, служивший примером целому поколению, не может исчезнуть так, как исчез ты. Я следовал твоим наставлениям, я старался правильно идти путем стрелка, и потому заслуживаю, чтобы ты оценил мое искусство. В этом случае я уйду прочь и никому не скажу, где нашел величайшего из мастеров.

С этими словами чужестранец извлек из чехла длинный лук из лакированного бамбука, рукоять размещалась чуть ниже середины. Поклонился Тецуе, прошел в сад и еще один поклон отвесил облюбованному месту. Затем достал оснащенную орлиными перьями стрелу, встал потверже, одной рукой поднял лук на уровень лица, другой — наложил стрелу.

Мальчик наблюдал за этим с веселым изумлением. А Тецуя, оставивший работу, — с любопытством.

Чужестранец опустил лук — стрела уже лежала на тетиве — на уровне груди. Снова вскинул над головой и, опуская, одновременно начал натягивать тетиву. Когда стрела оказалась у самого лица, лук был уже согнут. Одно мгновение, показавшееся нескончаемым, лучник и лук были неподвижны. Мальчик поглядел туда, куда была нацелена стрела, но ничего не увидел.

Внезапно разжались пальцы, державшие тетиву, левая рука откинулась назад, лук в правой описал плавную дугу, и стрела исчезла из виду, чтобы вновь появиться вдалеке.

— Сбегай-ка за ней, — сказал Тецуя.

Мальчик вернулся со стрелой — она пронзила вишню, лежавшую на земле, в сорока метрах отсюда.

Тецуя поклонился лучнику, направился в угол мастерской и вскоре вернулся, с изящно изогнутым деревянным футляром, завернутым в длинный лоскут кожи. Очень неторопливо снял

его, и в руках у него оказался лук, по виду очень похожий на тот, из которого стрелял гость, но только гораздо более потертый.

— Своих стрел у меня нет, так что не дашь ли свою? Я исполню твою просьбу, но ты должен будешь сдержать клятву — никому не открывать название деревни, где я живу. Если же будут спрашивать, отвечай, что, отыскивая меня, дошел до самого края света, а потом узнал, что я был укушен змеей и умер два дня спустя.

Чужестранец кивнул и протянул хозяину стрелу.

Уперев один конец лука в стену, Тецуя с большим усилием прикрепил к нему тетиву. Затем молча вышел и направился в сторону гор.

Чужестранец и мальчик последовали за ним. Шли около часа, пока не добрались до глубокой расщелины меж скал, под которой бурлила стремительная река: перебраться через нее можно было лишь по веревочному мостику — шаткому и полусгнившему.

Тецуя совершенно спокойно дошел до середины опасно качавшегося мостика, поклонился чему-то на другом берегу, поднял и натянул лук, наложил стрелу в точности как недавно это делал чужестранец, опустил до уровня груди — и вы-

стрелил.

Мальчик и чужестранец увидели, как стрела пронзила насквозь персик на ветке дерева, росшего метрах в двадцати.

— Ты попал в черешню, я — в персик, — сказал Тецуя, вернувшись на безопасный берег. — Черешня меньше. Ты поразил цель за сорок метров, я — на вдвое меньшем расстоянии. Стало быть, у тебя есть все возможности повторить сделанное мной. Выйди на середину этого мостика и сделай то, что сделал я.

Чужестранец с опаской дошел до середины гнилого моста, не сводя глаз с пропасти под ногами. Он выполнил все тот же ритуал, пустил стрелу, целясь в персиковое дерево, но она улетела гораздо дальше. И вернулся на берег, заметно побледнев.

— Что ж, у тебя есть дарование, есть сноровка, есть умелость, — сказал ему Тецуя. — Ты знаешь технику, ты владеешь оружием, но — не собой. Ты метко стреляешь, когда обстоятельства тебе благоприятствуют, но когда оказываешься на вражеской территории, бьешь мимо цели. А меж тем стрелок не всегда может выбрать себе поле битвы, а потому начни готовиться заново и готовься к действиям в сложных условиях. Продолжай идти по дороге лучника, ибо это и есть путь, по которому движется жизнь человеческая. И постарайся усвоить, что меткий выстрел сильно отличается от выстрела с миром в душе.

Чужестранец снова низко поклонился, положил лук и стрелы в чехол, повесил его на плечо и ушел.

На обратном пути мальчик воскликнул в восторге:

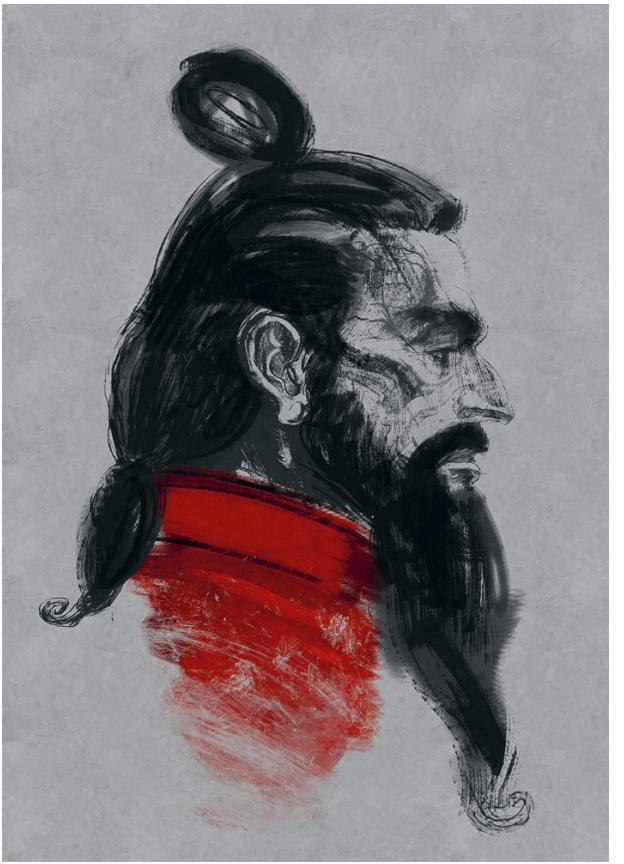
— Ты унизил его, Тецуя! Ты все же должен быть признан лучшим из всех!

— Не суди о людях, пока не научишься слушать их и с уважением относиться к их словам. Чужестранец — хороший человек: он не унижал меня,

не тщился доказать, что лучше меня, хотя могло показаться именно так. Но это впечатление ложно. Он лишь желал блеснуть своим мастерством и добиться признания, и потому тебе показалось, что он бросает мне вызов. Помимо всего прочего, на пути стрелка иногда встречаются неожиданные испытания — именно их чужестранец позволил мне пройти сегодня.

— Но он сказал, что ты — лучший из лучших, а я ведь и не знал, что ты учишь владеть оружием. Если ты учитель, то почему предпочел ремесло плотника?

— Потому что проходящий путем стрелка пригоден для всего, а я всегда мечтал работать по дереву. И свершающий этот путь стрелок не нуждается ни в луке, ни в стрелах, ни в мишени.

— В этой деревне не происходит ничего примечательного, а я вдруг понял, что стою перед человеком, в совершенстве постигшем искусство, которое никого больше не интересует, — сказал мальчик, и глаза его заблестели. — Что такое «путь стрелка»? Ты можешь научить меня, как следовать этим путем?

— Это нетрудно. Я управлюсь за час, пока мы будем возвращаться домой. Трудно применять эти знания ежедневно, пока не достигнешь нужной точности.

Мальчик не сводил с него умоляющих глаз. Тецуя прошел в молчании почти четверть часа, а когда вновь обернулся к своему юному спутнику, голос его стал по-юношески зво́нок:

— Сегодня я доволен — сумел почтить память человека, который много лет назад спас мне жизнь. И по этой причине я сообщу тебе все необходимые правила, но ничего больше сделать для тебя не смогу: ты сам, поняв смысл моих наставлений, сможешь использовать их по своему усмотрению. …Вот ты назвал меня «учителем». Но что это такое — «учитель»? Я отвечу тебе: не тот, кто передает ученику свои познания, а тот, кто помогает ему открыть сокровенные истины, которые таятся в его собственной душе.

И покуда они спускались с горы, Тецуя успел объяснить мальчику, что такое путь стрелка.

Союзники

Стрелок, который не разделяет с другими радость от лука и стрелы, никогда не сумеет постичь свои собственные достоинства и недостатки.

А потому, прежде чем взяться за что-нибудь, найди себе союзников — тех, кому интересно, что ты делаешь.

Заметь, я не сказал: «найди других стрелков». Я говорю: найди людей с различными дарованиями, ибо путь стрелка ничем не отличается от любого другого пути, свершаемого с воодушевлением.

И вовсе не обязательно брать себе в союзники тех, на кого все смотрят, кто всех завораживает, про кого все твердят «лучше его на свете нет». Совсем наоборот: ищи людей, которые не боятся ошибаться и потому ошибаются. И по этой причине их труд не всегда признан. Но именно эти люди преобразуют мир и, совершив множество ошибок, все же добиваются результата, и он полностью меняет среду вокруг них.

Эти люди не могут сидеть сложа руки и ждать, когда произойдет то-то и то-то, чтобы потом

решить, что лучше, и выбрать: они принимают решение, уже начав действовать, хоть и сознают, как опасен такой способ.

Близость таких людей важна для стрелка, потому что он должен понимать: прежде чем встать напротив мишени, надо ощутить такую свободу, чтобы суметь изменить направление в тот самый миг, когда поднимаешь лук. Когда же разжимаешь пальцы и отпускаешь тетиву, то должен сказать себе: «Долгий путь предшествовал тому, что я натягиваю лук. И теперь я пускаю эту стрелу, твердо сознавая, что сильно рисковал и постарался сделать все как можно лучше».

Лучшие союзники получаются из тех, кто мыслит иначе, нежели другие. А потому, когда ищешь себе товарищей, которые разделят с тобой радость выстрела, доверяй своим наитиям и не слушай чужих мнений. Люди склонны судить о других на основании весьма ограниченных представлений, принятых в их кругу, — а мнение сообщества порой полно предрассудков и страхов.

Примкни же к тем, кто пробует, рискует, падает, ушибается — и снова рискует. Сторонись тех, кто изрекает истины, бранит людей, думающих

иначе, не сделает шагу, не представив сперва возможных последствий, и предпочитает сомнениям непреложную уверенность.

Примкни к тем, кто раскрывает другим свою душу и не боится ранить ее: такие люди понимают, что совершенствоваться можно, лишь глядя, как поступает твой ближний, глядя — но не осуждая его, а восхищаясь его отвагой и преданностью.

Может быть, ты думаешь, что стрельба из лука не может интересовать пекаря или крестьянина, но говорю тебе: они внедряют то, что увидели, в то, что делают. И ты следуй их примеру: учись у хорошего пекаря согласованности движений и умению правильно смешивать все компоненты. Учись у пахаря терпению и навыку тяжкого труда, умению подчиняться временам года и не проклинать стихии, ибо это лишь зряшная трата времени.

Примкни к тем, кто гибок, как древко твоего лука, и кто понимает знаки, которые подает нам дорога. Такие люди не задумываясь изменят направление, если перед ними вдруг возникнет преграда неодолимая, или если вдруг увидят лучший вариант. Это свойство воды: она огибает утесы, приноравливается к течению реки, иногда превращается в озеро, чтобы, заполнив впадину, продолжить путь, ибо помнит, что цель ее — море, и она рано или поздно должна соединиться с ним.

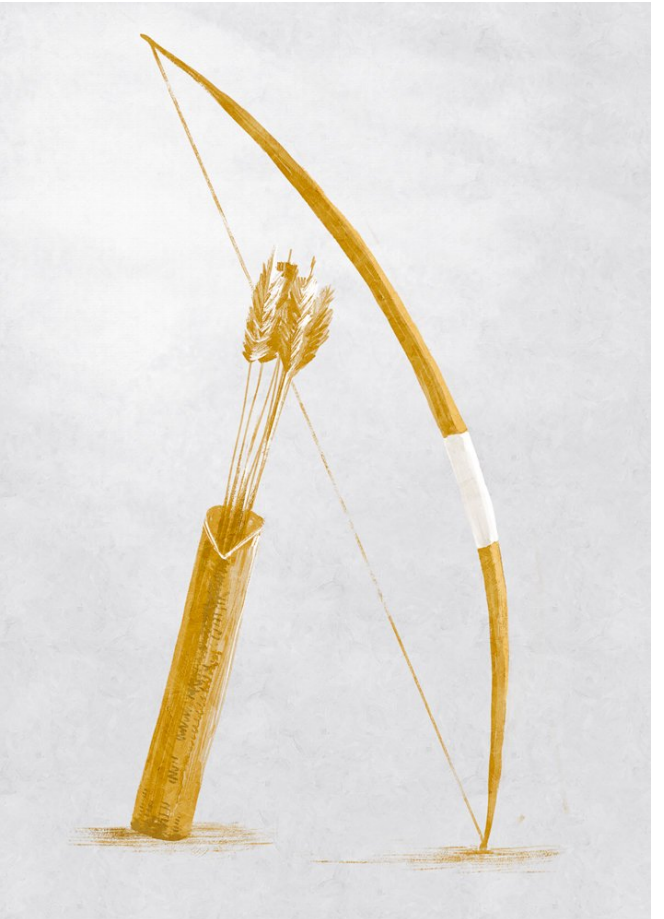
Примкни к тем, кто никогда не скажет: «ну, хватит, здесь надо остановиться». Ибо жизнь бесконечна, как смена времен года, и достигнув цели, ты должен все начинать заново, непременно используя то, чему ты научился на пути.

Примкни к тем, кто распевает песни и рассказывает истории, кто живет с удовольствием и у кого глаза светятся радостью бытия. Потому что она заразительна и способна сделать так, чтобы люди не цепенели от уныния, от одиночества и трудностей.

Будь с теми, для кого работа — в радость. Но чтобы стать нужным таким людям, как они нужны тебе, узнай, какими орудиями они действуют и как ты можешь развить свои дарования.

Потому что скоро уже придет время тебе познать свой лук, свою стрелу, свою мишень и свой путь.

Лук

Лук — это жизнь: он дарует нам всю энергию.

Стрела когда-нибудь покинет нас.

Цель — далека.

Но лук всегда пребудет с нами, и надо знать, как ухаживать за ним.

Лук время от времени должен находиться в покое — если он постоянно готов к бою и всегда натянут, то скоро утратит свою силу. А потому давай ему передохнуть и восстановить свою твердость — и тогда, натягивая тетиву, увидишь, что он доволен и вновь обрел мощь.

У лука нет собственного сознания: он лишь продолжение руки лучника и исполнение его воли. Он существует только для того, чтобы убивать или предаваться размышлениям. А потому старайся ясно выражать свои намерения.

Лук наделен гибкостью, которая однако не безгранична. Чрезмерное усилие, превосходящее его возможности, способно сломать древко или утомить руку, держащую его. А потому старайся жить в согласии со своим оружием и не требовать больше, чем оно может дать.

Лук — с натянутой ли тетивой или расслабленной — покоится в руке стрелка, однако рука — это всего лишь место, где с мускулами слиты воедино

все намерения стреляющего, все усилия, направленные на точность выстрела. А потому, чтобы натянутый лук сохранял изящество, сделай так, чтобы каждая составная часть давала не больше, чем от нее требуется, и не распыляла заключенную в ней энергию. Тогда ты сможешь подолгу посылать в цель одну стрелу за другой — и не устанешь.

Чтобы понимать лук, сделай его частью твоей руки и более того — продолжением твоей мысли.

Стрела

Стрела — это намерение.

Она соединяет силу твоего лука с центром мишени.

Намерение должно быть кристально ясным, прямым, безупречно взвешенным.

Сорвавшись с тетивы, она уже не вернется, а потому лучше остановиться и придать движениям выверенную точность, чем действовать беспечно потому лишь, что лук натянут и цель ждет.

Но никогда не отказывайся от выстрела, поддавшись страху промахнуться. Если движения твои правильны, разожми пальцы и пусти стрелу. Не страшно, если она не поразит мишень: в следующий раз ты поправишь прицел и попадешь.

Если не будешь рисковать, никогда не узнаешь, какие изменения надо внести.

Каждая стрела оставляет по себе память в твоем сердце — и совокупность их позволит тебе стрелять все лучше и лучше.

Мишень

Мишень — это цель, которой мы стремимся достичь.

Она выбрана стрелком, однако далека, и вовсе не виновата, что мы не поразили ее. В этом и заключается красота этого пути — пути стрелка: ты не можешь оправдать себя тем, что противник оказался сильней.

Ты ведь сам выбрал себе цель — значит, ты и ответственен за это.

Цель может быть крупнее или мельче, дальше или ближе, справа или слева, но, становясь перед ней, ты обязан уважать ее и постараться мысленно сблизиться с ней. И спустить тетиву можно не раньше, чем цель окажется на острие твоей стрелы.

Если видеть в ней врага, твой выстрел может быть точен, но он ничего не улучшит в тебе. И ты всю жизнь будешь всего лишь всаживать стрелы в центр деревянного или бумажного круга — а это занятие совершенно бессмысленно. И приятелям своим будешь всю жизнь жаловаться, что это совсем неинтересно.

И потому ты должен выбрать себе цель, приложить все усилия, чтобы достичь ее, и всегда смотреть на нее с уважением, но и с достоинством: ты должен сознавать ее значение, но и помнить, сколько сил, тренировок, интуиции вложено было в ее достижение.

Гляди на мишень — но не на нее одну: замечай все, что происходит вокруг, потому что пущенная стрела встретится в полете со множеством неучтенных тобою факторов — расстоянием, весом, ветром.

Ты должен понимать цель. И постоянно спрашивать себя: «А где бы находился я, если бы сам был целью? Куда именно мне бы тогда хотелось быть пораженным стрелой, чтобы воздать стрелку заслуженную честь?»

Ибо цель существует только в том же измерении, что и стрелок. Ее бытие оправдано лишь желанием стрелка попасть в нее: в противном случае она — не более чем мертвый кусок бумаги или дерева, на который никто не обращает внимания.

И потому — точно так же, как стрела ищет цель, цель ищет стрелу, ибо она придает смысл ее существованию: появляется стрела — и цель

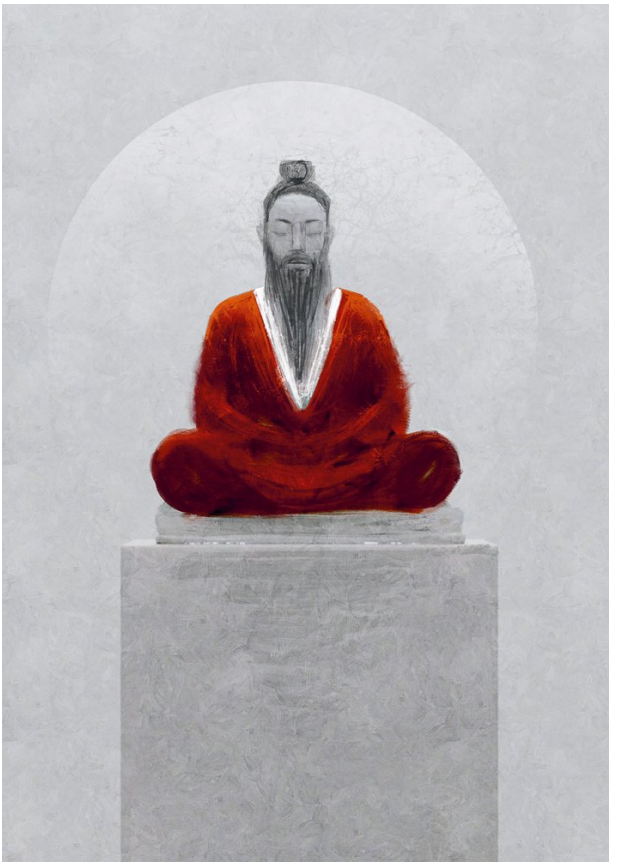
становится для стрелка не кругом на бумаге, а центром мироздания.

Стойка

Поняв природу лука, стрелы, цели, следует со спокойным изяществом обучиться технике выстрела.

Спокойствие идет от сердца. А оно, хоть часто мучается сомнениями и неуверенностью, знает: правильное положение позволит проявить себя наилучшим образом.

А изящество — далеко не только внешняя черта: это то, как человек воздает должное жизни и своим трудам. А потому, когда порой ты чувствуешь, что позиция тебе неудобна, не считай ее неправильной или слишком замысловатой: она — истинна именно потому, что трудна. Благодаря этому цель чувствует, что достоинство, с которым держится стрелок, оказывает ей честь.

Изысканность стойки — не в том, чтобы стрелку было удобней всего, а в том, чтобы сделать безупречный выстрел.

Изысканность достигается, когда отметено все поверхностное и наносное и стрелок обретает простоту и сосредоточенность: чем проще и яснее стойка, тем она красивее.

Снег красив, потому что наделен одним цветом, море красиво, потому что кажется ровной поверхностью, — но и море, и снег глубоки и сознают свои качества.

Как держать стрелу

Взять в руки стрелу — значит, вступить во взаимодействие с ее намерением.

Надо оглядеть ее по всей длине, убедиться, что оперение, направляющее ее полет, установлено правильно, проверить, хорошо ли заточено острие.

Оценить ее прямизну, удостовериться, что она не погнута, не повреждена предыдущим выстрелом.

Стрела так проста и так легка, что может показаться хрупкой — но благодаря силе стрелка способна перенести энергию его тела и его духа на дальнюю дистанцию. Есть легенды о том, что простая стрела смогла потопить корабль, потому что пустивший ее человек, зная, где находится самое слабое место в деревянной обшивке, сумел пробить ее, и через образовавшееся отверстие в трюм бесшумно хлынула вода, — и так вот отвести угрозу от своей прибрежной деревни.

Стрела — это намерение, молча высказанное рукой стрелка, который посылает ее в цель,

иными словами, она вольна в своем полете, но следует путем, выбранным для нее в момент пуска.

На нее воздействуют ветер и сила земного притяжения, но они неотъемлемые части ее пути: ведь и листок не перестает быть листком оттого лишь, что сорван бурей с дерева.

Таково и намерение человека — точное, твердое, прямое, совершенное. Никто не в силах изменить его, пока оно одолевает пространство, отделяющее его от точки назначения.

Как держать лук

Будь спокоен и дыши глубоко.

За каждым твоим движением наблюдают союзники, которые в случае необходимости придут к тебе на помощь.

Но не забудь, что на тебя смотрит и твой соперник, знающий разницу меж твердой рукой и рукой дрожащей, а потому, сбрасывая напряжение, сделай глубокий вдох — это поможет тебе собраться на всех этапах стрельбы.

В тот миг, когда ты берешь лук и держишь его перед собой, постарайся мысленно представить все стадии подготовки к выстрелу. Но при этом — делай это легко и без напряжения, ибо невозможно держать в голове все правила, а если дух твой спокоен, ты, воскрешая в памяти все этапы, непременно вспомнишь самое трудное и то, как справился с ним.

Это придаст тебе уверенности и уймет дрожь.

Как натягивать тетиву

Лук — это музыкальный инструмент, который звучит благодаря своей тетиве.

Тетива — длинна, но стрела касается ее лишь в одной точке — и именно там должен сосредоточить стрелок весь свой опыт, всю свою мудрость.

Если он отклонится чуть вправо или чуть влево, если эта точка окажется выше или ниже линии прицела, то никогда не поразит мишень.

И потому, натягивая тетиву, будь подобен музыканту, прикасающемуся к своему инструменту. В музыке время важнее пространства: вереница нот, выстроенных в линию, не значат ничего, но тот, кто сумеет прочесть написанное ими, сумеет и превратить эту вереницу в звуки и такты.

И точно так же, как стрелок оправдывает бытие цели, стрела оправдывает существование лука: стрелу можно метнуть и рукой, но лук без стрелы совершенно бесполезен.

И потому, натягивая тетиву, не думай о том, что ты готовишь лук к выстрелу. Думай, что стрела — это неподвижный центр, и когда ты бережно держишь ее, прося быть твоей соратни-

цей, то приближаешь к ней связанные тетивой концы лука.

Как смотреть на мишень

Многие лучники сетуют, что, несмотря на многолетние упражнения в искусстве стрельбы, сердце у них колотится в тревоге, рука дрожит, прицел сбивается. Они должны понять, что сами по себе лук и стрела ничего изменить не могут, но искусство стрельбы выявляет все ошибки.

В тот день, когда ты не чувствуешь любви к жизни, твой выстрел будет неточен. Ты вдруг увидишь, что тебе не хватило силы до предела оттянуть тетиву, что не смог согнуть лук так, как нужно.

И обнаружив это, попытайся понять причину твоих трудностей: это будет значить, что ты уже столкнулся с беспокоящей тебя проблемой, но суть ее еще скрыта от тебя.

Случается порой и обратное: твой прицел верен, тетива звенит, как струна лютни, и птицы вокруг вторят ей. И тогда ты понимаешь, что отдаешь самое лучшее в себе.

Но все же не слишком увлекайся стрельбой по утрам, независимо от того, попадаешь ты в цель

или промахиваешься. Впереди будет еще много дней, и каждая стрела заключает в себе целую жизнь.

А в те минуты, когда дело не ладится, постарайся определить, что же заставляет твои руки дрожать.

Используй минуты неудач, чтобы распознать причину дрожи. Используй хорошие минуты, чтобы найти свой путь к миру в душе.

Но пусть ни страх, ни радость не останавливают тебя: путь стрелка — бесконечен.

Миг выстрела

Выстрелы бывают двух видов.

Первый — тот, который произведен точно, но — без души. В этом случае лучник, как бы совершенно ни владел он техникой, сосредоточен исключительно на цели — и потому не совершенствуется, снова и снова повторяет себя, не может расти и однажды сходит со стези стрелка, потому что все для него становится рутиной.

Второй — тот, в который стрелок вкладывает душу. Когда намерение лучника преобразуется в полет стрелы, пальцы его руки отпускают тетиву в нужный миг, от звона ее начинают петь птицы, и движение, которым он что-то отправляет вдаль, помогает — как это ни странно — вернуться к самому себе и обрести самого себя.

Ты знаешь, какие усилия требуются, чтобы натянуть лук, чтобы ровно дышать, чтобы сосредоточиться на мишени, чтобы ничем не отвлекаться от своего намерения, чтобы сохранить правильность позиции и — уважать свою цель. Но ты должен еще и понимать, что в этом

мире ничто не остается с нами надолго: придет миг, когда надо будет разжать пальцы и дать своему намерению следовать своим путем.

Ибо предназначение стрелы — улететь, как бы ты ни любил все то, что привело тебя к изысканной правильности стойки и к верности намерения, как бы ты ни восхищался красотой ее оперения, ее остротой, ее формой.

Но если улетит она раньше, чем лучник изготовится к выстрелу, ее полет будет очень краток. А если позже, чем он встанет в правильную стойку и добьется предельной сосредоточенности, тело его не выдержит напряжения и рука его задрожит.

Стрела должна сорваться с тетивы в тот самый миг, когда лук, лучник и цель окажутся в единой точке Вселенной: это и называется вдохновением.

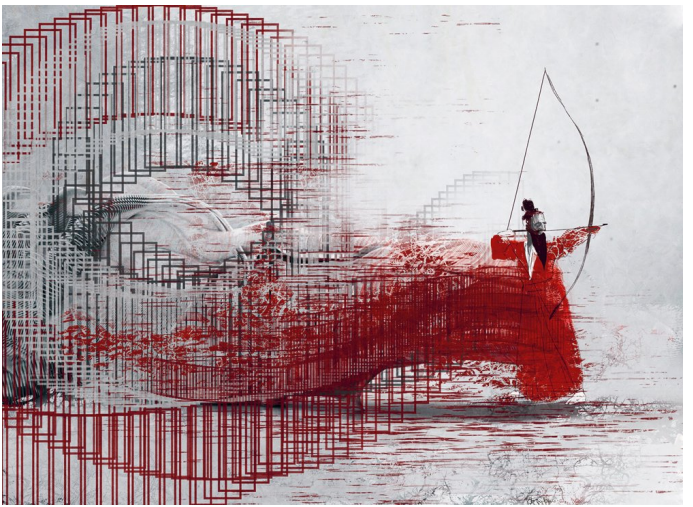
Повторение

Движение — это воплощение глагола или, иначе говоря, действие — это явленная мысль.

Чуть заметный жест способен выдать нас, а потому все должно быть доведено до совершенства: все детали обдуманы, а техническое мастерство — проявляться интуитивно. Но интуиция имеет дело не с тем, что называется рутиной, а с тем состоянием духа, которое превыше всякой техники.

И как итог долгих тренировок — мы уже совсем не думаем о необходимых движениях: они становятся частью нашего бытия. Но чтобы это произошло, нужны тренировки и упражнения.

И, как будто этого недостаточно, — упражнения и тренировки.

Погляди, как обрабатывает кусок железа хороший кузнец. Непосвященному кажется, что он повторяет одни и те же удары молотом.

Но тот, кто постиг путь лучника, знает, что каждый раз сила удара меняется. Рука совершает одинаковые движения, но, приближаясь к поковке, решает, ударить ли ей с большей или

меньшей силой.

То же самое происходит и с повторением, которое только кажется однообразным, а на самом деле оно всякий раз — разное.

Погляди на мельницу. На первый взгляд кажется, будто крылья ее вращаются с одинаковой скоростью, повторяют одно и то же движение.

Но тот, кто разбирается в их устройстве, знает, что они приспосабливаются к силе и направлению ветра и, если нужно, меняют движение.

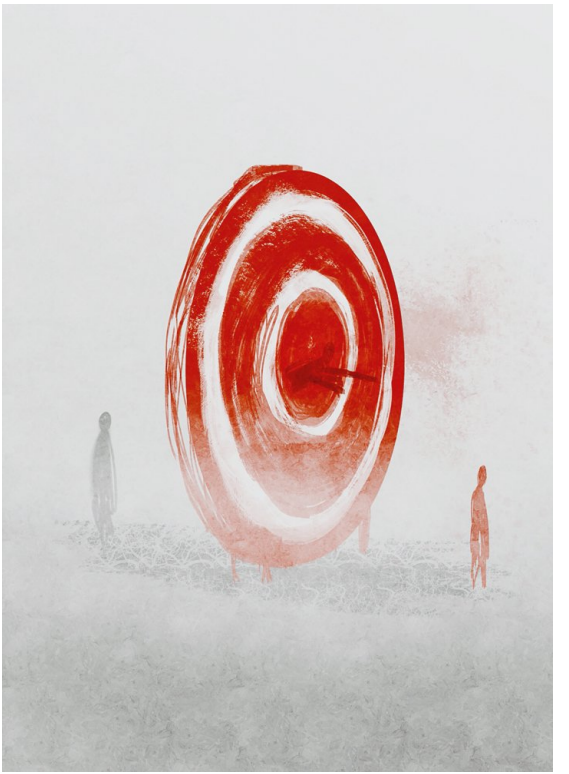
Тысячи раз пришлось кузнецу поднимать и опускать молот, чтобы обучить свою руку. Мельничные крылья, благодаря устройству своих отполированных шестерен, способны крутиться стремительней, когда ветер дует сильней.

Лучник может позволить своим стрелам лететь мимо цели, ибо он знает, что в полной мере осознáет важность лука, стойки, тетивы и мишени лишь после того, как тысячекратно повторит все свои движения, не боясь ошибиться.

А истинные союзники никогда не станут критиковать его, ибо знают, как необходима тренировка — единственное, что способно довести до совершенства то, что делается по наитию.

И вот приходит минута, когда больше не нужно

думать о том, что ты делаешь. И в эту минуту стрелок сливается воедино со своим луком, со своей стрелой, со своей целью.

Как следить за полетом стрелы

Когда стрела сорвалась с тетивы, лучнику остается лишь наблюдать за ее движением к мишени. С этого мига владевшее им напряжение теряет право на существование.

И лучник пристальным взором провожает полет стрелы, но сердце его уже успокоилось, и он улыбается.

Руку, спустившую тетиву, отбрасывает назад, рука, сжимающая лук, отводится в сторону, а стрелок невольно разводит руки и грудью встречает взгляды своих приверженцев и своих противников.

К этой минуте он уже достаточно натренирован и уже сумел развить свой инстинкт, он сохраняет изящество и сосредоточенность все время подготовки к выстрелу — и потому способен ощутить присутствие Вселенной и увидеть, что его деяние будет праведным и заслуженным.

Техника позволит сделать так, чтобы руки были готовы, дыхание оставалось ровным, а глаза пристально всматривались в мишень. Инстинкт подскажет, когда выстрел будет точным.

Тот, кто окажется вблизи и увидит, как лучник, раскинув руки, провожает взглядом полет стрелы, сочтет, наверно, что он просто стоит. Но союзники знают — разум стрелка после выстрела меняет измерение и вступает в контакт со всей Вселенной: он продолжает напряженно работать, осмысляя все то доброе и хорошее, что принес ему этот выстрел, мысленно исправляет возможные ошибки, ожидает, как и чем ответит цель при встрече со стрелой.

Когда стрелок натягивает тетиву, он видит целый мир, заключенный в его лук. Когда стрелок провожает глазами летящую стрелу, этот мир приближается к нему, ласкает его и внушает дивное чувство исполненного долга.

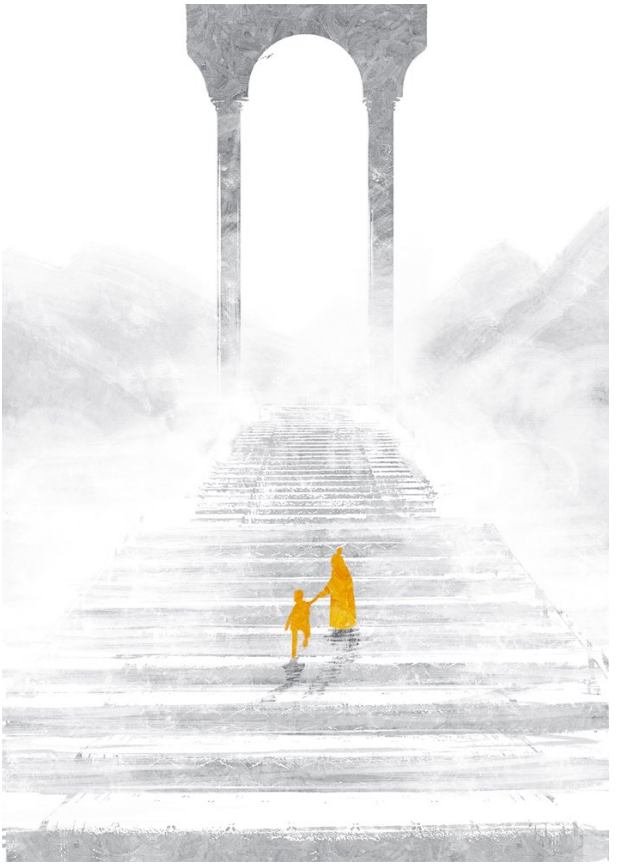
Каждая стрела совершает полет по-своему. Лучник пускает тысячи стрел — и каждая покажет ему свой путь, непохожий на другие: это и есть путь лука.

Лучник без лука, без стрелы, без мишени

Лучник учится, когда пренебрегает правилами этого пути, и начинает действовать, руководствуясь только наитием. Между тем, чтобы пренебречь правилами, надо сначала выучить и уважать их.

Достигнув такой стадии, стрелок уже не нуждается в орудиях, которые помогли ему овладеть этой наукой. Ему не нужны больше ни лук, ни стрелы, ни мишень — ибо путь сам по себе важнее того, что заставило пуститься в него.

Нечто подобное происходит с ребенком, который учится читать и вдруг в какую-то минуту замечает, что буквы, прежде существовавшие отдельно, начинают складываться в слова.

Однако если все слова сольются воедино, они либо утратят смысл, либо безмерно затуманят его, а потому так необходимы пробелы между ними.

И нужно, чтобы стрелок в промежутке между двумя действиями вспоминал все, что совершил, беседовал с союзниками, отдыхал и испытывал простую радость бытия.

Путь стрелка — это путь радости и воодушевления, совершенствования и заблуждений, техники и наития.

Но всему этому ты научишься, только если будешь неустанно посылать стрелы.

Эпилог

Когда Тецуя замолчал, они были уже у двери мастерской.

— Спасибо, что проводил, — сказал он мальчику.

Но тот не тронулся с места.

— А как узнать, правильно ли я поступаю? Как убедиться, что взгляд мой — сосредоточен, а стойка — изящна, и что лук я держу правильно?

— Представь, что рядом с тобой — твой наставник, достигший совершенства, и делай все, чтобы почтить и уважить преподанную им науку. Этот наставник, которого одни называют Богом, другие «чем-то таким», третьи — талантом, всегда смотрит на нас. И заслуживает самого лучшего.

Вспомни еще и о своих союзниках: ты должен помочь им, потому что и они в трудную минуту поддержат тебя. Старайся развить в себе дар доброты — он позволит тебе всегда быть в ладу со своим сердцем.

И помни главное: слова, которые я произнес, были, возможно, вдохновлены свыше, но они обретут смысл лишь в том случае, если ты начнешь

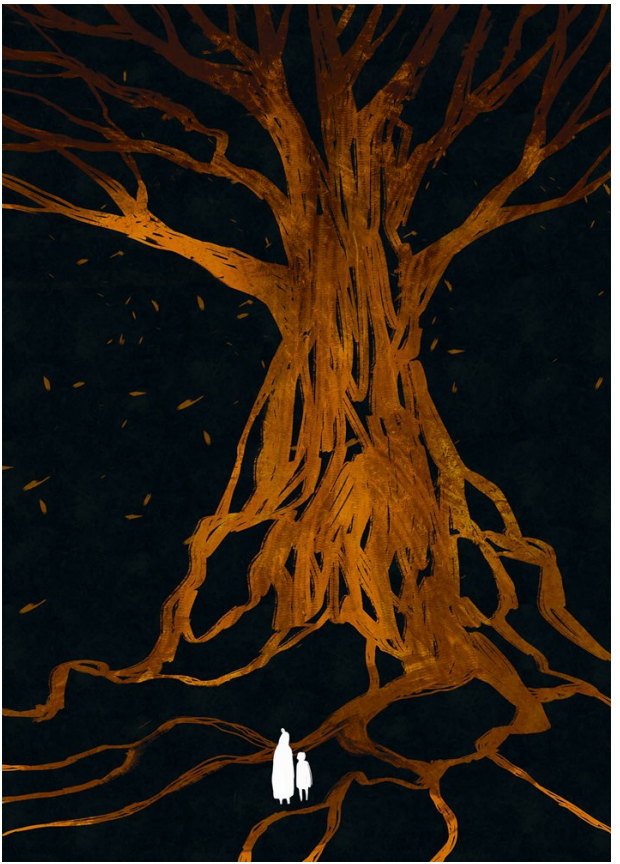
претворять их в деяния.

Тецуя протянул руку, прощаясь, но мальчик попросил:

— Хочу спросить тебя еще вот о чем: как ты научился стрелять?

Тецуя на миг задумался — стоит ли отвечать? Но решил, что сегодня выдался такой особенный день, и открыл дверь в мастерскую:

— Я приготовлю чай. И расскажу тебе эту историю, но ты должен пообещать мне то же, о чем я попросил чужестранца, — никому никогда не рассказывать о моем даре.

Он вошел, зажег свет, снова обернул свой лук длинным лоскутом кожи и положил так, чтобы он не бросался в глаза, а тому, кто случайно обнаружил бы его, показался бы просто изогнутой бамбуковой палкой. Потом прошел на кухню, приготовил чай, уселся рядом с гостем и начал свою историю:

— Некогда я работал на одного крупного здешнего землевладельца — чистил его хлева и конюшни. Он часто бывал в отъезде, свободного времени у меня было в избытке, и потому я решил целиком посвятить себя тому, что считал истинным смыслом жизни, а именно — вину и женщинам.

В один прекрасный день, после нескольких бессонных ночей, я вдруг почувствовал, что у меня кружится голова, и упал посреди поля. Подумал, что умираю, и был готов уж покорно принять смерть. Но тут какой-то незнакомец, проходя мимо, помог мне подняться, привел к себе — а путь был неблизкий — и несколько месяцев ухаживал за мной. И каждое утро я видел, как он с луком и стрелами уходит в поля.

Оправившись, я попросил его научить меня этому искусству: это было гораздо интересней, чем чистить конюшни и лошадей. А он ответил,

что близок мой смертный час, и отдалить его он не в силах — смерть уже в двух шагах от меня, ибо моей физической оболочке причинен сильный ущерб.

Я ответил, что и хочу научиться ради того, чтобы смерть не тронула меня.

Человек, живущий в далекой заокеанской стране, внушил мне, что можно на какое-то время сойти с пути, ведущего в бездну смерти. Но в моем случае до конца дней моих придется помнить, что я хожу по краю пропасти, куда в любую минуту могу упасть.

И тогда с его помощью я вступил на стезю стрелка. Он познакомил меня с моими союзниками, заставил участвовать в состязаниях, и вскоре моя слава прогремела по всей стране. Увидев, что я в достаточной мере овладел мастерством, он забрал у меня стрелы и мишень и оставил только лук — как память. И посоветовал применить теперь мое новообретенное умение к такому занятию, которое могло бы по-настоящему увлечь меня.

Я ответил, что сильней всего привлекает меня плотницкое ремесло. И он благословил меня, сказал, что я могу идти и посвятить себя любимому делу, пока моя слава несравненного стрелка не погубила меня или не вернула к прежней жизни.

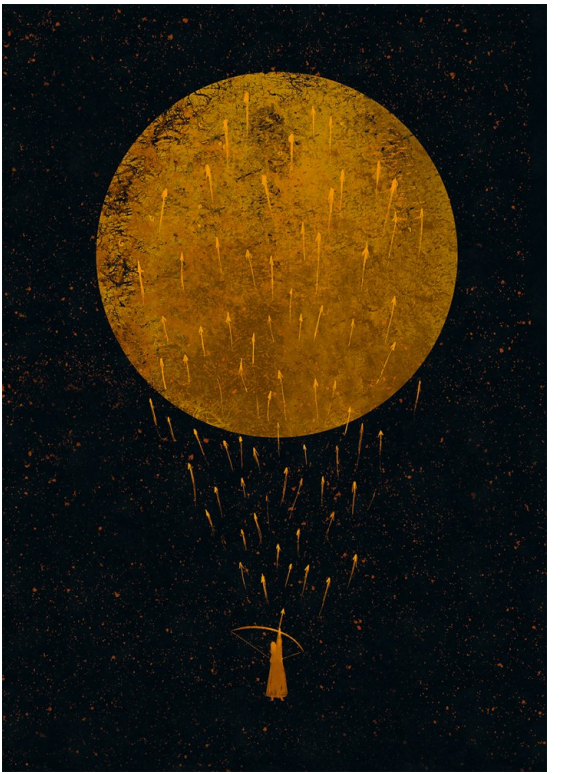

С той минуты я веду борьбу со своими пороками и с жалостью к самому себе. Я должен всегда быть сосредоточен и с неизменным спокойствием и любовью заниматься выбранным мною делом, но при этом никогда не привязываться к настоящему. Ибо смерть по-прежнему стоит совсем близко, бездна — у самых ног, и я хожу по самому ее краю.

Тецуя не сказал, что таков удел всех людей на земле, — не сказал, сочтя, что собеседник его еще очень юн, и рано еще ему думать о таком.

Не сказал и о том, что каждый этап пути, которым идет стрелок, присущ любому человеку, чем бы он ни занимался в жизни.

Он лишь благословил мальчика — так же, как его самого благословили много лет назад — и отправил домой, потому что день выдался долгий, и ему хотелось спать.

Автор выражает свою признательность

Ойгену Херригелю — за его книгу «Дзен в благородном искусстве стрельбы из лука».

Памеле Хертиган, управляющему директору Фонда социального предпринимательства Шваба за описание свойств союзников.

Дэну и Джеки ДеПросперо — за их совместную с Онума-сан книгу «Куйдо».

Карлосу Кастанеде — за его описание того, как повстречались смерть и дух-хранитель Элиаса.

Об авторе

Собственная жизнь по-прежнему служит Пауло Коэльо основным источником вдохновения. Он заигрывал со смертью, избежал безумия, баловался наркотиками, перенес пытки, увлекался магией и алхимией, изучал философию и религию, был и остается неуемным книгочеем, терял и вновь обретал веру, испытал боль и наслаждение, даруемые любовью. Отыскивая свое место в мире, он нашел ответы на вызовы, которые жизнь бросает каждому из нас. Он верит, что мы в самих себе обретаем силы для того, чтобы определить собственную судьбу.

Книги Пауло Коэльо, вышедшие на 83 языках суммарным тиражом в 320 млн экземпляров, продаются более чем в 170 странах. Его повесть «Алхимик» (1989), которая разошлась в 85 млн экземпляров, послужила источником вдохновения для таких ни в чем не схожих между собой людей, как Малала Юсуфзай и Фаррелл Уильямс.

Писатель избран в Бразильскую Академию литературы, удостоен ордена Почетного легиона. В 2007 году получил звание «Посланец мира Ор-

ганизации Объединенных Наций».

